

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Каникулы (Петербургские очерки #20)

«Завтракъ уже поданъ на столъ, но хозяйка еще не вышла. Она сидитъ въ своей комнатѣ, передъ туалетнымъ столикомъ, приставленнымъ въ простѣнкѣ между раскрытыми окнами. Вѣтеръ шевелитъ шторами и иногда вздуваетъ ихъ какъ паруса. Спиртовая лампочка догараетъ, и замирающій голубой язычекъ чуть лежитъ прокоптѣвшія щипцы. Марья Андреевна уже окончила свои undulations, но ей не хочется покинуть табуретъ передъ зеркаломъ. Она приблизила лицо къ самому стеклу и разсматриваетъ себя въ упоръ близорукими, выщѣтшими глазами, и зачѣмъ-то проводитъ двумя пальцами то по бровямъ, то надъ бровями. Уже съ четверть часа она такъ сидитъ, и кажется, все разсмотрѣла, до послѣднихъ складочекъ на уголкахъ глазъ, но никакъ не можетъ разстаться съ своимъ мѣстомъ. Собственно, это самое любимое ея занятіе днемъ, и особенно утромъ, когда совсѣмъ нечего дѣлать. Сидитъ, смотритъ въ зеркало, и никогда не соскучится, словно въ первый разъ въ жизни имѣетъ возможность разсмотрѣть себя...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василий Григорьевич
Авсеенко
Каникулы**

Завтракъ уже поданъ на столъ, но хозяйка еще не вышла. Она сидитъ въ своей комнатѣ, передъ туалетнымъ столикомъ, приставленнымъ въ простѣнкѣ между раскрытыми окнами. Вѣтеръ шевелитъ шторами и иногда вздуваетъ ихъ какъ паруса. Спиртовая лампочка догараетъ, и замирающій голубой язычекъ чуть лижетъ прокоптѣвшія щипцы. Марья Андреевна уже окончила свои *ondulations*, но ей не хочется покинуть табуретъ передъ зеркаломъ. Она приблизила лицо къ самому стеклу и разсматриваетъ себя въ упоръ близорукими, выцвѣтшими глазами, и зачѣмъ-то проводитъ двумя пальцами то по бровямъ, то надъ бровями. Уже съ четверть часа она такъ сидитъ, и кажется, все разсмотрѣла, до послѣднихъ складочекъ на уголкахъ глазъ, но никакъ не можетъ разстаться съ своимъ мѣстомъ. Собственно, это самое любимое ея занятіе днемъ, и особенно утромъ, когда совсѣмъ нечего дѣлать. Сидитъ, смотритъ въ зеркало, и никогда не соскучится, словно въ первый разъ въ жизни имѣетъ возможность разсмотрѣть себя.

На балконѣ ея мужъ, Павелъ Степановичъ,

кончилъ газету, покачался немного въ камышевомъ креслѣ, и почувствовавъ при видѣ накрытаго стола утренній голодъ, выразилъ нетерпѣніе.

– Marie, подано уже! Иди завтракать! – крикнулъ онъ въ окно со вздувшимися шторами.

– Иду! – тягучимъ тономъ отвѣтила Марья Андреевна.

Она встала, прикрыла загашенную вѣтромъ лампочку, дошла до двери, но хватившись носоваго платка, вернулась. Платокъ лежалъ на туалетномъ столикѣ, и поэтому она опять присѣла и стала снова смотрѣть на себя въ зеркало и потрогивать пальцами то кожу на лбу, то прическу.

– Мaman, папа ждетъ завтракать! – крикнула изъ сада въ другое окно тринадцатилѣтняя дочка Лиза, сидѣвшая до тѣхъ поръ на скамейкѣ подлѣ гувернантки.

Она поднялась локтями надъ подоконникомъ и заглянула въ комнату. Видъ матери, разсматривающей себя въ зеркало, произвелъ на нее впечатлѣніе священнодѣйствія. Она молча, съ глубокимъ интересомъ стала

смотримъ, какъ это происходитъ – хотя, собственно, ничего не происходило.

Павель Степановичъ сталъ быстро ходить взадъ и впередъ по балкону, обдергивая парусинный пиджачекъ и шевеля пальцами кончикъ бороды.

– Что же нейдутъ завтракать? – покрикивалъ онъ нетерпѣливо. – Удивительно, право, какъ всѣ распускаютъ себя на дачѣ. Въ чемъ дѣло? Почему? И безъ того часомъ позже подаютъ...

– Володя дома? – спросила Марья Андреевна дочку.

– Не знаю... нѣтъ, не видала, – отвѣтила та, продолжая сосредоточенно созерцать зрѣлище нескончаемаго сидѣнья передъ зеркаломъ.

Въ ней уже просыпались женскіе инстинкты, и она начинала понимать наслажденіе, которое испытывала мать. Она и сама иногда, среди дня, станетъ передъ большимъ зеркаломъ въ гостиной, стоитъ и смотритъ, молча, серьезно, долго, пока кто-нибудь не войдетъ.

Узнавъ, что Володи еще нѣтъ, Марья Ан-

дреевна взяла другое зеркало, поменьше, и стала разсматривать себя въ него сзади, повернувшись спиной къ туалету. Лиза совсѣмъ влѣзла на подоконникъ и слѣдила, какъ въ обоихъ зеркалахъ отразился дивно расчесанный затылокъ мамашы.

— Marie, когда же наконецъ? — слышался совсѣмъ сердитый окрикъ мужа, и его недовольное лицо показалось изъ-за отодвинутой шторы.

— Иду, — отвѣтила съ легкимъ вздохомъ жена.

Всѣ, наконецъ, усѣлись за столъ. Какъ разъ въ эту минуту на ступенькахъ балкона поднялась фигура юноши въ гимназическомъ кителѣ.

— Каждый разъ ты опаздываешь! Хоть говори, хоть не говори! — проворчалъ Павелъ Степановичъ.

Володя приблизился развинченной походкой, кинулъ фуражку, поздоровался съ отцомъ, поцѣловалъ ручку матери, и подвинувъ стулъ, обрушился на него такъ, какъ крючники кидаютъ мѣшки на телѣгу. Онъ толкнулъ при томъ столъ, задѣлъ локтемъ сестру, и

хватилъ рыжими сапогами по ногамъ отца.

— Что это, мой милый, ты садиться разучился? ходить разучился? Откуда у тебя такія манеры взялись? — снова заворчалъ отецъ, подбирая ноги. — Ужасъ, ужасъ, до чего этотъ молодой человекъ распустился на дачѣ, — обратился онъ къ женѣ. — Обрати, пожалуйста, вниманіе на его костюмъ: китель весь измятъ, зеленыя пятна отъ травы, сапоги точно у бродяги. Дуняша, почему вы не чистите сапоги молодому барину? — перенесъ онъ свои недовольныя замѣчанія къ горничной.

— Помилуйте, когда же ихъ чистить? Владиміръ Павловичъ никогда съ вечера ихъ за дверь не выставляютъ, а утромъ не допрошишься. Надѣнутъ нечищенные, да такъ и ходятъ, — объяснила Дуняша.

— Вѣдь это неряшество! — проворчалъ Павелъ Степановичъ. — Меня ужасаетъ, именно ужасаетъ подобная распущенность.

Володя, сидя совсѣмъ бокомъ, такъ что Лиза осторожно все отодвигалась отъ него, провель рукой по мокрому лицу.

— Лѣтомъ что же тамъ соблюдать еще, — проговорилъ онъ своимъ страннымъ, пере-

ломленнымъ голосомъ, не то дискантомъ, не то басомъ.

– Опрятность и приличныя манеры надо всегда соблюдать, для этого нѣтъ особыхъ сезоновъ! – наставительно замѣтилъ отецъ.

Гимназистъ на это только подкинулъ головой, дескать: слышалъ я, слышалъ! – и потянулъ къ себѣ блюдо, опрокидывая стаканы и морща скатерть. Наваливъ на тарелку весьма изрядную порцію, онъ принялся съ жадностью ѣсть.

Павель Степановичъ сохранялъ недовольный видъ. Ему претило «разгильдяйство», въ которое, по его наблюденіямъ, втягивался сынъ. Да и не сынъ только: онъ и въ дочери замѣчалъ какое-то не нравившееся ему упрощеніе манеръ, охоту знакомиться со всѣми дачными дѣвчонками, невниманіе къ замѣчаніямъ француженки. И жена тоже распустилась, не смотрѣла какъ слѣдуетъ за порядкомъ въ домѣ, и хотя проводила цѣлые дни передъ туалетнымъ столикомъ, но если не собиралась никуда выйти, то оставалась въ ночной кофточкѣ. Этой ночной кофточки, при раздѣланной до послѣдняго волоска при-

ческѣ, онѣ не могѣ равнодушно видѣть. «Манера русской кокетки», выражался онѣ мысленно.

– Ты не забудь, надѣюсь, что тебѣ переэкзаменовка предстоитъ? – обратился онѣ къ сыну.

– Что-жѣ такое переэкзаменовка? Я приготавлиюсь. Сегодня праздникъ, – возразилъ Володя.

Онѣ уже наѣлся, и теперь опять сидѣлъ бокомъ, и въ нетерпѣннѣ болталъ подѣ столомъ ногою. Марья Андреевна мѣдленно поднялась.

– Пойдемте въ паркъ? – бросила она гувернанткѣ. – Потомъ приходите къ вокзалу, я буду тамъ. Надѣньте Лизѣ бѣлое платьѣ съ кушакомъ.

Володя подошелъ къ стоявшему тутъ-же велосипеду, осмотрѣлъ его, но потомъ раздумалъ на немъ ѣхать. Вмѣсто того онѣ прошелъ въ свою комнату и схватилъ тамъ какой-то учебникъ.

Ему вдругъ захотѣлось показать, что онѣ вовсе не лѣнтяй, что ему и въ праздникъ ничего не стоитъ заняться. Недовольный тонѣ

отца уязвилъ его. Онъ находилъ несправедливымъ такое отношеніе. — «Чего отъ меня хотятъ? — думалъ онъ. — По математикѣ я первый ученикъ. Вотъ латынь эту, да гречиху (у нихъ такъ называли греческій языкъ) я дѣйствительно не люблю, это правда. Ну, а приготовиться къ переэкзаменовкѣ все-таки могу».

Съ грамматикой подъ мышкой, онъ сошелъ въ садъ, пробрался въ свой любимый уголокъ у рѣшетки, растянулся на травѣ и сталъ зубрить.

Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ до него долетѣли знакомые голоса, — ближе, ближе. Онъ приподнялся и заглянулъ сквозь рѣшетку. Такъ и есть: Соня и Варя Леденцовы идутъ мимо дачи, громко разговаривая и смѣясь. Ножки ихъ быстро мелькаютъ изъ-подъ коротенькихъ платьевъ, зонтики цѣпляются за вѣтви акацій.

Володя всталъ совсѣмъ, отшвырнулъ книгу въ траву, подошелъ вплотную къ рѣшеткѣ и произнесъ:

— Здравствуйте! Куда это вы спѣшите?

Барышни вздрогнули, но не остановились,

и старшая отвѣтила на ходу:

– Далеко!

– Въ паркъ?

Ни та, ни другая не отвѣчали на это и чему-то разсмѣялись.

Володя посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, на ихъ круто-заплетенныя косы и мелькавшія ботинки, постоялъ въ нерѣшимости, потомъ энергически осадилъ фуражку на затылокъ, и пустился догонять ихъ.

На поворотѣ въ паркъ онъ уже поровнялся съ Соней, и пошелъ рядомъ.

– Я съ вами погуляю немножко, – сказалъ онъ, и бокомъ, не оборачиваясь, протянулъ имъ руку.

– Что вамъ вздумалось въ праздникъ долбить?... – спросила Варя.

Володѣ почему-то не хотѣлось сознаться.

– Я просто читалъ... романъ одинъ, – сказалъ онъ.

– Неправда, я по книгѣ видѣла, что это долбязная, – возразила Варя. – Васъ заставили, вотъ вамъ и стыдно признаться...

– А по-каковски это такъ говорятъ: долбязная? Такого слова нѣтъ, – придрался въ свою

очередь Володя.

– У насъ всѣ такъ говорятъ, значить есть такое слово, – вступилась за сестру Соня.

– Мало ли что у васъ говорятъ, – отозвался Володя. – Пойдемте къ пруду, я покатаю васъ въ лодкѣ.

– Мерсі, мы совсѣмъ не къ пруду идемъ.

Старшая тихонько толкнула младшую, и обѣ почему-то фыркнули.

– Чему вы смѣетесь? – обиженно спросилъ Володя.

Сестры фыркнули еще громче, и пошли скорѣе. У нихъ всѣ разговоры всегда прерывались такимъ фырканьемъ, и Володя всегда обижался. Но Соня ему «ужасно» нравилась: онъ былъ почти влюбленъ въ нее, хотя разговаривалъ и обращался съ нею со своею обыкновенною мальчишескою небрежностью. Этимъ обращеніемъ онъ думалъ спасти свое достоинство и отомстить за насмѣшливость.

– Если вы не къ пруду идете, то куда же? – спросилъ онъ. – Я все равно съ вами пойду.

– Идите, если хотите; намъ все равно, – отрѣзала Соня.

– А мнѣ и подавно, – ляпнулъ Володя.

Сестры фыркнули.

– Какъ это вѣжливо! – произнесла старшая, и опять обѣ фыркнули.

– Я и не гонюсь за миндальщиной, – объявилъ Володя.

– Какъ? какъ вы сказали? за миндальщиной? – переспросила Соня, и толкнула сестру, причемъ обѣ зашатались отъ смѣха. – Это у васъ въ гимназіи такъ выражаются?

– Разумѣется, миндальщина. Паточный леденецъ.

– Кто, кто паточный леденецъ?

– Да вотъ хотя бы лицеистъ вашъ, Храповъ. Паточнаго кавалера изъ себя корчитъ. Засунетъ руки въ брюки и сюсюкаетъ.

Соня и Варя опять фыркнули.

– Что-жъ, Храповъ премилый мальчикъ, – сказала Соня. – Съ нимъ очень пріятно разговаривать.

– Усики свои душистой помадой смазываетъ, – продолжалъ Володя. – Мамаша ему китель духами вспрыскиваетъ.

– А вы въ своемъ китель, должно быть, въ крапивѣ валялись, – выпалила Варя.

– Я и не стремлюсь въ кавалеры попастьъ.

– А не стремитесь, такъ и не приставайте къ намъ. Мы васъ не приглашали идти съ нами.

– И не собираюсь идти; просто, мнѣ по дорогѣ было, – обозлился Володя. – Удивительно, право, интересно мнѣ. До свиданья!

Онъ круто повернулъ и зашагалъ назадъ. Лицо его имѣло какое-то ухарски-злое выраженіе, какое бываетъ у озорнаго мальчишки, когда его высѣкли и отпустили.

«Дрянъ дѣвчонки...», думалъ онъ, болтая длинными руками и подкидывая головой съ съѣхавшей на затылокъ фуражкой.

Домой онъ зашелъ только, чтобъ взять велосипедъ. Любопытство все-таки влекло его въ паркъ. Онъ поѣхалъ туда, и проколесивъ съ полчаса по разнымъ направлениямъ, замѣтилъ вдали барышень Леденцовыхъ, и подлѣ нихъ юношу въ блистающемъ снѣжной белизной кителѣ.

Ему захотѣлось пролетѣть мимо нихъ съ быстротой и ловкостью чемпиона. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Сестры при видѣ его толкнули другъ друга и фыркнули. Храповъ только прищурился на

него своими близорукими глазами.

Пролетѣвъ стрѣлой мимо знакомой группы, Володя услышалъ позади себя общій громкій хохоть. Онъ покраснѣлъ и круто свернулъ въ боковую аллею.

Онъ еще не былъ безнадежно самоувѣренъ, и ему пришло въ голову, что онъ держалъ себя довольно глупо.